

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УчРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В КОНТЕКСТЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ**

Международный сборник научных статей

**Новополоцк
ПГУ
2013**

ВИЛЬГЕЛЬМ МЮЛЕР**Винета**

Из морских глубоких вод опасных
Глухо слышен колокольный звон:
О старинном городе прекрасном
Весть далекую доносит он.

Опустился град на дно морское
И стоит еще донныне там.
От него сиянье золотое
Расстилается по берегам.

Морякам приходится случайно
Ослепительный увидеть свет
На закате, словно кто-то тайно
Из глубин веков нам шлет привет.

И в душе, в глубинах позабытых,
Точно эхо, колокол звучит,
Он о тайнах шепчет мне сокрытых,
О любви и муках говорит.

Мир прекрасный – ты исчез навеки?
Что за тайны скрыты в глубине?
Но пускай во всем великолепье
Как мечта вернешься ты ко мне!

И тогда я опущусь в глубины
И по тихим улицам пойду.
Винета, о город мой старинный,
Я уже иду к тебе, иду...

Александр Никифоров

ИЗ ПОЭЗИИ США О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**ЛЭНГСТОН ХЬЮЗ****Из Бомонта в Детройт**

Посмотри сюда, Америка,
Что ты наделала тут:
Всё шло своим чередом
И упёрлось в бунт.

Позволяет твоя полиция
Белым бандюкам бежать,
А на меня, я думаю,
Тебе вообще плевать.

Ты говоришь, что гитлер –
Могучий изувер.
Я думаю, у ку-клукс-клана
Он взял пример.

Скажешь, у муссолини
Сердце злом полно,
Мне кажется, в Бомонте
Наполнилось оно.

Ведь всё, что сделал гитлер
И муссолини там,
Ты делаешь сегодня
Всем неграм, то есть, нам.

Здесь Джима Кроу² законы
До Гитлера всех нас
Теснили. Это длится
Сегодня, в этот час.

Твердишь: «За демократию
Мы вместе на войне!»
Плевать, что «демократия» –
Слова не обо мне.

Хочу задать вопрос я:
Как долго нужно кровь
Мне проливать, сражаясь
И с ГИТЛЕРОМ и с КРОУ?

Фашисту, нацисту и куклуксклановцу на заметку

Понятно мне,
Что хочешь ты
Сделать отбивную
Из моей мечты.

Что ж, продолжай.
Весь путь пройдя,
Я сделаю отбивную
Из тебя.

Последняя линия обороны Джима Кроу

Некоторые люди думают,
Что, сжигая книги,
Они сжигают свободу.

Некоторые люди думают,
Что, сажая Неру в тюрьму,
Они заточают свободу.

Некоторые люди думают,
Что линчуют негра,
Они линчуют свободу.

² Законы о сегрегации или законы Джима Кроу. Происхождение термина неизвестно. По сути, законы сводятся к верховенству белых граждан над черными, к отдельному подчиненному существованию черных в любых проявлениях общественной жизни (транспорт, работа, школы, церкви и проч.). Официально первый закон Джима Кроу относят к 1904 г.

Но свобода
Встает и смеется
Им в лицо,
И говорит

Вам никогда меня не убить!

КОНСТАНС НИКОЛЬС

Гражданская служба

Мой стол напротив твоего стоит.
Но я тебе чужда, хотя сейчас
Цвет кожи только разделяет нас.
Кто знал, что нас война объединит
Теснее, чем мольбы. Зачем скорей
Ты подтверждений ждешь, что мы вдвоем
Основу новой прочной ткани ткем,
Чтобы Свободы дверь украсить ей...
Пока тобой не решено всерьез
Принять порыв единодушья, так
Ты молча шлешь записки на поднос
И не даешь мне сделать первый шаг.
К чему надежды мир спасти от тьмы,
Пока не научились улыбаться *мы*?

ХЭЙЗЕЛ ВАШИНГТОН

Женщина на войне

Глубоко в омуте
И интригах войны
Я была женщиной на войне,
Темной, как дни,
Окутавшие мое поколение,
Коричневой, как хаки на мне.

Война – это ад,
Дым и огонь,
Кровь, смерть и голод.
Это алчность завоеваний,
Страсть к власти,
Требование признания.
Дурная смесь из дьявольских мыслей.

Война – игра,
Слезы и одиночество,
Древняя, как моря,
Дикая, как животные из джунглей.

Война – игра,
разыгранная на шахматной доске Земли
Теми, кто ходит
Вне очереди
И превращает чистый рисунок
В хаос.

Глубоко в омуте
И интригах войны
Я была женщиной на войне,
Темной, как дни,
Окутавшие мое поколение,
Коричневой, как хаки на мне.

КАУНТИ КАЛЛЕН

Происшествие

Я ехал как-то в Балтимор;
Впуская радость в сердце,
Заметил местного, и он
Попристальной вгляделся.
Мне было восемь, я был мал,
И он ни дюймом выше.
Я улыбнулся, он сказал:
«Эй, нигер!» Я услышал.
Исколесив весь Балтимор
С весны до декабря,
Из всех вещей, что были там,
Лишь это помню я.

УИСТАН ХЬЮ ОДЕН

Август 1968

Чудовище творит, что свойственно ему:
Поступки человеческому ужасные уму.
Но есть одна деталь, и ей не пренебречь:
Чудовищу непостижима Речь.
Среди поработанных стран,
Среди убитых, стонущих от ран,
Бредет Чудовище, рукой сжимая круп,
И чушь, как слюни, хлещет с губ.

Блюз беженцев

Говорят, в этом городе десять миллионов живут.
Кто во дворцах, ну а кто и в трущобах прижился тут.
Но здесь нет места нам, дорогая, здесь нам места нет.

Когда-то мы жили в стране, где хорошо было нам.
Загляни в атлас, и ты найдешь ее там.
Но нам туда не попасть, дорогая, нам не попасть туда.

Старый тис в дворике церкви растет. Весной
Он вновь шелестит молодой листвой.
В отличие от старого паспорта, дорогая, в отличие от старого паспорта.

Консул стучал по столу и орал во весь рот:
«Если нет паспорта, ты официально мертв!»
Но мы все еще живы, моя дорогая, все еще живы мы.

Пошел в комитет. Мне предложили стул.
Вежливо попросили, чтоб через год вернул.
Но куда нам податься сегодня, моя дорогая, куда нам идти сейчас?

Был на общем собрании. Докладчик, рычал как лев:
«Если мы их впустим, они украдут наш насущный хлеб».
Он говорил о нас, дорогая, он говорил о нас.

Кажется, слышал гром. Он продолжает греметь.
Это был Гитлер, кричащий: «Они должны умереть».
Нас он имеет в виду, дорогая, он говорил о нас.

Видел пуделя в жакете застегнутом, чтоб не продрог.
Видел, как дверь открыли и впустили кота на порог.
Ведь они не евреи, моя дорогая, они не евреи.

Стоял на причале, хотел рассмотреть очертанья дна.
Там рыба плескалась, как будто свободна она.
Всего лишь в трех метрах, моя дорогая, всего лишь в трех метрах.

Шел через лес, слышал, как птицы поют.
У них нет идеологов. Как им свободно тут!
Люди от них далеки, дорогая, люди от них далеки.

Мне снилось, я видел здание в тысячу этажей,
С тысячью окон, тысячами дверей.
Но нам не войти в него, дорогая, нам не войти в него.

В поле стоял. Так мелко, что не найти следа.
Десять тысяч солдат маршировали туда-сюда.
Они пришли за тобой и мной, дорогая, за тобой и мной.

РЭНДАЛЛ ДЖАРРЕЛЛ

Стрелок

Разве они отослали меня от жены и кота
К доктору, чтоб ковырялся во мне и считал мои зубы?
К линии на самолете, в палатку к печи,
Разве дремал я в учебных полетах?
Как кролики, легчики в трассер влетали и гибли,
Останки мои покрывались замерзшею кровью, как коркой;
Разве заснул я – все тихо и серо в турели –
Пока с моей смертью не выросли пальмы из моря?
Мир здесь кончается, в этом могильном песке
Всем ли конец моим войнам? Как было легко умирать!
Получит ли пенсию от столь многих мышей жена?
Придут ли медали домой моему коту?

Смерть стрелка турели

Из материнского сна я выпал в государство,
И я сгорбился в его чреве, пока мой мокрый мех не замерз.
Шесть миль над землей, освобожденный от ее сна о жизни,
Я проснулся к черному зенитному огню и кошмарным истребителям.
Когда я умер, они смыли меня со стенок турели шлангом.

ДОНАЛЬД БЭЙКЕР

Запоздалая элегия

Кейту Дугласу (1920 – 1944)

Джону Смиту (1923 – 1944)

Обычный человек, Джон Смит, мой друг,
на взлет бомбардировщик разгонял.!
Во взрыве смерть свою услышал вдруг,
с последним вдохом заглотив огня.

Мы ждали, двигатели заглушив,
пока тушили и сгребали хлам,
а после пролетели те, кто жив,
над пеплом Джона Смита к облакам.

Все отбомбились, но вернулись в срок
немногие. И глядя в неба гладь,
полковник с легкостью извлек урок,
как не летать.

Обычней не представить дня. В те дни
столь много было доблестных кончин,
что, стало быть, писать элегии
об экипаже Смита нет причин.

Все это было сорок лет назад.
Теперь ТВ по вечерам ведет рассказ
о том, как небо превращалось в ад
и как оно будет гореть не раз.

А здесь горит лишь лампа. И под ней
я боль рифмую с правдой и виной
и поминаю жертв тех дней –
дань юности, оборванной войной.

Мой друг, Джон Смит, в последней мировой
войне сгорел на взлетной полосе,
погибший по ошибке, шутовской герой,
толковый, как и все, и храбрый как любой.

ДОН БЛЕНДИНГ

Солдат спрашивает

Когда стрела покидает колчан,
Натягивает тетиву,
Спрашивает ли она «Кто я?
Для цели какой живу?»
Чувствует ли стрела сама
Ветра протяжный свист?
Рада ли полету она?
Ведь воздух ясен и чист.

Но так как цель выбирал другой,
Есть ли в стреле вина
За то, что из сердца чьего-то
Кровь, в итоге, прольет она?

Солдатская кровать

Солдатская кровать узка,
Где он бы ни прилег:
В бараке или облака
Укроют его с ног
До головы, или земля
Постелет на поля.

Широкая ли, узкая кровать –
Неважно тем, кому с нее не встать.

УИТТЕР БИННЕР**Поражение**

Техас. Пленные немцы едят не спеша
Плечом к плечу с белыми солдатами США.
В то время как черные парни от них в стороне сидят,
Белые мясо едят, сердце черных солдат.
Более сотни лет прошло с окончания той войны:
И не мертвый Юг, но Север живой, проиграл, увы;
И никак не очнется разорванная пополам
Нация. Боже, с кем опять доведется сражаться нам?
Проверь, крепко ль прибит знак «для цветных» на столбе.
Кому нанесли поражение? – Снова самим себе.

ГОВАРД НЕМЕРОВ**Ultima Ratio Reagan**

Причина, почему история не учит нас,
Лишь в том, что мы не те, кто на уроке был в тот раз.

И мы не те, и не понятно нам,
Кто отдал наших сыновей, чтоб их сожрал Вьетнам,
Кто сжег деревья нашими деньгами в эти дни.

Мы знаем, что мы знаем лучше, чем они:
То, что история простит нас и сейчас,
Что свет в конце тоннеля – поезд. Каждый раз.